

РУССКО-БОЛГАРСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

КОНСТАНТИН ПОПОВ (София)

Становление болгарского литературного языка неразрывно связано с развитием болгарской нации и со специфическими культурно-историческими и социальными условиями болгарского национального Возрождения XIX века. Условно начало становления литературного языка относят ко второй половине восемнадцатого века, когда начинается болгарское национальное пробуждение, но фактически оно начинается позже, в течение второй четверти XIX в., когда заканчиваются борьба и разногласия по вопросу о болгарском литературном языке. Становление нашего литературного языка с его фонетическими, лексико-грамматическими и фразеологическими особенностями и их закономерностями представляет собой сложный процесс, который развивался преимущественно на протяжении XIX в.

Известно, что наш литературный язык возник без преемственности и без какой бы то ни было зависимости от древнеболгарской литературной традиции.¹ В эпоху турецкого рабства эта традиция настолько ослабела, что уже не была в состоянии создать основы для развития национального языка с новой аналитической системой и с новым кругом явлений. Попытка поддерживать и защищать церковнославянскую традицию и славяно-болгарскую теорию задерживает на известное время развитие нашей литературы и заканчивается без результата. Народный язык побеждает и превращает живую народно-разговорную речь в орган литературы. На первых этапах своего развития этот язык имел восточно-болгарскую диалектную основу. Но как национальный язык он должен был в значительной степени стоять над диалектами и диалектным многообразием и обслуживать всю народную общность в целом. Таким образом создаются условия для развития литературного языка по новому пути, предпосылки его разветвления и обогащения новыми явлениями в силу внутреннего или внешнего толчка, условия, при которых этот язык испытывал сильные

¹ Л. Андрейчин, Някои въпроси около българския книжовен език, Български език, 1955, № 4, стр. 308—311.

внешние воздействия и в то же время сохранял свою устойчивость и самобытность.

В XIX веке болгарские литературные деятели ведут систематическую и длительную борьбу против турецких и греческих наслоений в лексическом составе болгарского языка. Они стремятся сохранить славянский характер болгарской речи. При создавшихся условиях и при постепенном усилении культурных и политических связей с Россией открывается путь для проникновения русских книг и русского влияния в целом. Это влияние было тройным: языковым, художественным и идейным. Во всех своих аспектах это влияние было постоянным и продолжительным, свободным и неограниченным. Заимствования из русского языка в первую очередь в области культурной и общественно-политической лексики легко проникают в болгарский литературный язык. Хорошим посредником в этом отношении была церковнославянская и богослужбная традиция. В качестве результата этого влияния, количественных накоплений, культурного развития, естественного и в известной степени ускоренного развития литературного языка в связи с национальной борьбой в нашем литературном языке возникают новые явления: более частое употребление отглагольных существительных, абстрактной общественно-политической и научной лексики; появление под русским и церковнославянским влиянием действительного причастия настоящего времени; расширение употребления причастных конструкций; обособленные и вставочные части и обороты; развитие безличных предложений; новые фразеологические сочетания и пр. Конечно, все это не привело к глубоким структурным изменениям в системе нашего языка. Все сказанное вполне относится и к его синтаксису. Но несмотря на это, впоследствии все-таки наблюдается известное отклонение от народно-разговорной речи.

Болгарский язык характеризуется своим номинальным аналитизмом, обеспечивающим простоту и ясность логических и синтаксических отношений и связей слов в предложении и тех синтаксических категорий, которые были установлены логической грамматикой. В болгарском языке аналитизм связан с исчезновением определенной грамматической категории — падежа. Мы имеем синтетизм тогда, когда форма одновременно является носителем нескольких различных качеств.¹ Едва ли можно признать правильным мнение тех, кто стремится сопоставить синтетические формы с аналитическими, чтобы доказать, что в болгарском языке есть падежи и падежная система. Такой метод применяет, например,

¹ М. Минков. За аналитизма в английски и български, Езиковедски изследвания в чест на Акад. Ст. Младенов. София, 1957, стр. 505.

Е. В. Чешко.² Различие между синтетическими и аналитическими языками состоит не только в различных средствах выражения синтаксических отношений, но и в том, что в аналитических языках отсутствует внутренне-парадигматическое или внутреннепадежное противопоставление.³ Субъектно-объектные и адвербиальные отношения в болгарском предложении выражаются более просто, при помощи более широкой функции предлога, порядка слов и присоединения. Установление падежей в современном болгарском языке в сущности означает перенесение данной грамматической категории из одного языка в другой, приписывает современному болгарскому языку более старое состояние и ведет к недооценке специфики нашего языка. Выражения типа „идвам *ви* на гости“ и „идвам *у вас* на гости“ не являются тождественными в грамматическом отношении, несмотря на то, что по смыслу они не отличаются друг от друга. В некоторых случаях разница еще меньше и еще более формальная, как например, „направи *му* знак“ и „направи знак *на Марина*“. В древнеболгарском и русском языке нет выражения, которое нельзя было бы перевести или передать средствами современного болгарского языка, но все же эти языки различны по своей грамматической структуре, несмотря на наличие общих генетических признаков, объединяющих их в качестве родственных языков. Ссылка на обстоятельство, что в современном болгарском языке сохранились формы дательного и винительного падежей личного местоимения (*мене ми, мене ме*) не является убедительным доказательством. При этом не следует забывать, что наряду с формами дательного падежа (*мене ми, тебе ти, нему му*) в болгарском языке употребляются и предложные конструкции (*на мене, на тебе, на него*). Склонение личного местоимения сохранилось в известной степени и в английском языке. Но это является результатом того обстоятельства, что человек психологически всегда проводит различие между самим собой „в качестве носителя действия и в качестве предмета действия, и поэтому еще в индоевропейском языке соответствующие формы образовывались от различных корней путем суплетивизма“.⁴ А формы одной парадигмы, резко различающиеся от других форм, проявляют в некоторых случаях значительную устойчивость.⁵ Сохранение неполного склонения личного местоимения в болгарском языке не может быть характерным для всей системы в целом. Теория, утверждающая, что в современном болгарском языке есть падежи, может

² Падежи и предлоги в современном болгарском литературном языке, Вопросы грамматики болгарского литературного языка, Москва, 1959, стр. 5.

³ П. Т. Ломтев. О синтаксических соответствиях тождества и различия в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках. Москва, 1958, стр. 3.

⁴ М. Минков. Цит. статья стр. 508.

⁵ Там же.

внести только путаницу в наш теоретический синтаксис, и поэтому ее отрицают почти все болгарские языковеды. Исключение представляет лишь академик Ал. Теодоров-Балан.

Синтаксическое отношение сочинения и подчинения выражается в болгарском предложении при помощи союзов. Некоторые из этих союзов имеют древнеболгарское происхождение, а другие чужезычные. И в этом отношении наблюдается переплетение истории народа с историей языка. Союзы *макар че* (хотя), *ами* (но), *оти* (потому что) греческого происхождения. Союз *оти* употребляется только в диалектах. В известном отношении это относится и к союзу *ами*. Союзы *я — я* (или — или, ли — или), *ама* (но), *хем — хем* (и — и) турецкого происхождения. Эти союзы употребляются в разговорной речи. Интересно отметить, что большинство этих союзов употребляются параллельно с чисто болгарскими средствами. Они проникли в болгарский язык в условиях рабства, а местами и в условиях двуязычия. Церковнославянскими, т. е. древнеболгарскими, являются союзы *обаче* и *понеже*. Их употребление было восстановлено литературным путем в эпоху нашего национального Возрождения.

Особый интерес представляет судьба союза *нежели* (древнеболгарский *неже*, *негъли*, русский *нежели*). Он встречается очень редко в болгарской народно-разговорной речи: „По-добре малко, че хубаво, *нежели* много, че какво да е“ (Пословица). В современном языке он обыкновенно заменяется относительным наречием *отколкуто* или словом *место*. Русское влияние восстановило его употребление, и примерно полвека тому назад конструкции с этим союзом встречались гораздо чаще, чем сегодня. Например: „Намерили се събудени селяни, които отговорили, че предпочитат да умрат българи, *нежели* да станат гърци“ (З. Стоянов). Русское предложение „Ночью лететь было безопаснее, *нежели* днем“ (Первенцев) следовало бы перевести следующим образом на современный болгарский язык: „Нощем да се лети беше по-безопасно, *отколкуто* денем“. Подобную историю имеет и двойной союз *ако-то*, который употребляется в современном болгарском языке в сложных предложениях с более расширенным составом и соответствующий древнеболгарскому союзу *аще — то* и русскому *если — то, когда — то*. В народно-разговорной речи употребляется только первая часть этого союза: „Ако гониш два заяка, не можеш хвана ни един“ (Пословица). „Ако не сееш нищо, няма да ожънеш нищо“ (Пословица). Русские воспитанники, и в первую очередь революционные демократы Л. Каравелов и Хр. Ботев, усиливают своими литературными произведениями употребление двойного союза *ако-то, когато-то* по образцу русского союза *если-то, когда-то*. Примерно полвека тому назад это употребление, несвойственное народно-разговорной речи, превращается в шаблон и паразитизм. Например: „Ако би аз пушал всекого във моето

скривалище, *то* там до сега нищо не би останало...“ (Л. Каравелов), „Ако ние да би те и повикали, *то* ти и сам би дошел“ (Л. Каравелов), „Когато вие заколите сурата свиня, *то* щете ли да повикате и дядо си Хаджия, да я поопита или не?“ (Л. Каравелов). С присоединительным значением в болгарском литературном языке употребляются сочетания *а също така, при това*, которые являются кальками или переводом русских *а также, при этом, при том же*. Например: „Ремонт инвентаря был закончен, *а также* был произведен пробный выезд в поле“ — „Ремонтът на инвентара беше завършен, *а също така* беше направено първото пробно излизане на полето“. Усиленное употребление союза *затова пък* (в народно-разговорной речи *зато пък*), связано определенным образом с русским союзом *но зато*. Например: „Здешня липа не достигає таких размеров как в южно-уссурийском крае, *но зато* ствол ее не имеет дупла“ (Арсеньев) — „Тукашната липа не достига такива размери, както в южно-уссурийския край, *но затова пък* нейното стъбло няма кухина“.

И некоторые другие болгарские союзы активизируют свое синтаксическое употребление под русским влиянием за счет других типичных для народно-разговорной речи, которые постепенно перестают употребляться или употребляются только в разговорном стиле и диалектах или же в качестве более архаических форм в народном творчестве. Такими являются союзы *та, на, най* (вместо *но*), *дето* (вместо *понеже, защото, че*), *че* (вместо *защото*), *щото* (вместо *което*) и другие.

В болгарском языке наблюдаются довольно частые случаи логического согласования между подлежащим и сказуемым, определяемым и определенным. О таком согласовании имеются указания не только в грамматической литературе других славянских народов.⁶ При этом согласование осуществляется преимущественно по смыслу, а не по форме. Чаще всего, при нескольких подлежащих, сказуемое ставится в единственном, а не во множественном числе. Обыкновенно это является результатом особых психологических, семантических или стилистических условий; когда подлежащие имеют более абстрактный характер и находятся в семантической близости или в градации; когда они связаны повторяющимися союзными частицами или местоимениями, в результате чего их перечисление делается более отчетливым, и каждое из них как будто согласуется непосредственно со сказуемым в единственном числе; при обратном по-

⁶ В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. Москва, 1955, стр. 67; Ив. Леков. Общност и многообразие в граматическия строй на славянските езици. София, БАН, 1958; Грамматика русского языка. Москва, АН СССР, 1954, т. II., стр. 498; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Ленинград, 1925, стр. 248; Н. Paul, *Deutsche Grammatik, B. III*, стр. 195; О. Behagel, *Deutsche Syntax, B. III*, Heidelberg, 1928; А. Игов. Учебник по сръбохърватски език. София, 1955, стр. 150.

рядке слов, т. е. когда сказуемое находится перед подлежащими.⁷ Например: „В колата екна смях и кикот“ (Ел. Пелин). Сравни русс. „Встретит нас забота и нужда“ (Некрасов). — „Лъхаше влага и хладина“ (Ел. Пелин). — „И в песните им, рукнаха отгоре, да блика труд и свобода“ (Н. Й. Вапцаров). — „Зад нас остана надалече и Пирин, и звездната му вечер“ (Н. Й. Вапцаров). — „Нас ни свързва минало страдално, еднаква кръв, език, съдба“ (Ив. Вазов). — „В езика на човека намира свой израз неговият индивидуален жизнен опит, неговата култура, неговата психология“ (Из газет).

Довольно часто возвратное местоимение *се* придает глаголу оттенок безличности в результате чего после сказуемого в единственном числе находится два или несколько подлежащих. Например: „По лицето му *се четеше и скръб, и мъка, и срам, и гняв,* и жестоко обиден *мъж*“ (Ел. Пелин). — „Дълбоко в нея *се оглаждаше* синьо небе, бели облаци“ (Йовков).

В народно-разговорной речи безличный характер сказуемого усиливается до такой степени, что подлежащее воспринимается в качестве дополнения, которое не согласуется со сказуемым. Например: „Не е било тъмна мъгла, най е било Нойко чобан“ (Народная песня). — „През нощта беше валяло дъждец“ (Ел. Пелин). — „Трева е поникнало и на камък“ (Йовков).

Такое несогласование наблюдается и в переводах с русского языка (может быть, под влиянием оригиналов). Например: „В 1907 г. кулашкото производство надминаваше 600 милиона пуда храни от които около 130 милиона *се отделяше* (вместо *се отделяха*, по-русски *выделялось*) за продажба“ (История ВКП[б]). — „...докато в Германия в 1929 г. *беше излято* (вместо *бяха излети*, по-русски *было вылито*) 13,4 милиона тона чугун, във Франция 10,45 милиона“ (История ВКП[б]).

С другой стороны нужно подчеркнуть, что не все абстрактные существительные, выступающие в качестве подлежащего, согласуются со сказуемым в единственном числе. При этом член подлежащего оказывает известное влияние в этом отношении: подлежащие в нечленной форме обыкновенно связываются со сказуемым в единственном числе, а подлежащие с членной формой — со сказуемым во множественном числе. Например: „По пътя над воденицата *загълхна* шумен *смях* и *говор* на жетвари“ (Ел. Пелин). — „*Историята, мракът, времето, редът* не значеха нищо във големия ти път“ (Ив. Вазов). В этом примере определенное значение имеет и порядок слов.

Наблюдаются и обратные случаи, при которых подлежащее в единствен-

⁷ К. Попов. За някои по-особени случаи на синтактичното съгласуване на сказуемото с подлога, сп. „Български език и литература“, кн. I, г. III, стр. 9—19.

ном числе, а сказуемое — во множественном. Это бывает обыкновенно тогда, когда в качестве подлежащего выступают собирательные абстрактные существительные типа *група, тълпа, брой, редица, част* и др. Грамматическое правило гласит: „Когда подлежащее состоит из собирательного существительного в единственном числе и конкретного существительного во множественном числе, сказуемое может согласоваться как с одним, так и с другим, в зависимости от того, какое из них выступает более отчетливо в данных обстоятельствах.“ Наблюдается тенденция согласовать сказуемое с конкретным существительным во множественном числе, а не с абстрактным существительным в единственном числе, т. е. с реальным конкретным подлежащим, а не с абстрактным, формальным. Например: „*Група младежи* от Русе заминали за Съветския Съюз“ (Р. Д. № 124, 1957). — „Изведнъж на главната улица се зададоха *група жени*“ (А. Гуляшки). — „Накрая *група* байловчани излезе на сцената и със сърдечни слова поздрави артистите“ (ОФ, № 3824, 1954).

Если существительное *група*, выполняющее роль подлежащего, выступает в членной форме или имеет при себе определение, сказуемое обыкновенно ставится в единственном числе. Например: „*Групата* конници, ръководени от майора, не беше единствената, която напусна форт Индж...“ (Майн Рид). — „*Първата група* бригадири от СССР се завърна“ (Веч. Н., № 2272 1959).

Под влиянием русского текста при переводе советских сообщений, существительное *група* согласуется обыкновенно со сказуемым в единственном числе, а при оригинальных болгарских сообщениях — со сказуемым во множественном числе. Например: „Вчера от Ленинград в Москва пристигна нова *група* български туристи“ (РД, № 174, 1956).

Но это не всегда бывает так. Например: „В 1899 година *група* „икономисти“... издадоха свой манифест“. — „В 1899 году группа „экономистов“... выпустила свой манифест“ (История ВКП [б], стр. 24).

В приведенном выше примере существительное *група* в именительном падеже и является подлежащим, а несогласованное определение „экономистов“ в родительном падеже, и поэтому оно не может согласоваться в числе со сказуемым, как это в болгарском языке.

Можно привести и другие примеры: „Самокритични изказвания *направиха редица ръководители* на съюза“ (Лит. фронт, № 27, 1956). — „Не малък *брой писатели* са се затворили в себе си, не участвуват в съюзния живот“ (Лит. фр., бр. 27/56). — „*Рояк апостоли и проповедници кръстосаха* планини и полета и организираха борбата“ (Ив. Вазов). — „*Грамадното мнозинство селски стопанства* влязоха в колхозите“. — „*Огромнейшее большинство* крестьянских хозяйств вступило в колхозы (История ВКП [б], стр. 328). — „По-голямата *част* от работниците

получали по 7—8 рубли на месец.“ — „Большая часть рабочих получала 7—8 рублей в месяц“ (История ВКП [б], стр. 9).

Приведенные примеры показывают, что сказуемое согласуется обыкновенно с конкретными существительными во множественном числе, а не с абстрактными существительными в единственном числе и что это согласование преимущественно логическое, смысловое, а не формально-грамматическое. Конкретные существительные выступают более многочисленными сторонами, у них больше признаков, они более яркие и более осязаемые, в то время как абстрактные существительные более бледные и имеют меньше признаков, так как называют только одну сторону целого. „Абстрактное выступает как одна сторона целого, конкретное — как несколько, много сторон этого целого, оно единство многообразия.“⁶ Абстрактное и конкретное находятся в диалектическом единстве, которое отражается в той или иной степени в формах языка и в способе синтаксического согласования. В аналитических языках это согласование легко может перейти в логическое согласование, при котором конкретное играет более активную роль, чем абстрактное, так как в этих языках нет норм и форм падежной системы. В этом случае наблюдается движение от абстрактного к конкретному, от общего к частному, от целого к части. Конечно, наблюдаются и обратные случаи — движение от конкретного к абстрактному, но в общем в большинстве случаев конкретное является исходным пунктом.

Определенное движение наблюдается и при других элементах болгарского синтаксиса. Так, например, известен тип сочетаний, при которых в русском языке определяемое двумя или большим количеством определений ставится во множественном числе, а в болгарской народно-разговорной речи — в единственном числе, т. е. определяемое согласуется по роду и числу с самым близким определяющим. Например: съюзници на българския и на *руския народ* (союзники болгарского и *русского народов*); предлозите в български и *руски език* (предлоги в болгарском и *русском языках*). Это согласование, которое можно назвать формальным и народно-разговорным, под влиянием не только переводов с русского и с других языков, но и под известным влиянием смысловых отношений и требований в предложении постепенно эволюирует в литературном языке и превращается в логическое, т. е. определяемое ставится во множественном числе. Например: Плевенски, Търновски и Видински *окръзи*; Българската и чехословацката *филмови делегации* на Лазурния бряг; Американският и английският *представители* заявиха почти едно и също. Но это согласование еще не превратилось в общую практику, ввиду традиции и рекомендуемой учебниками нормы ставить в таких случаях определяемое в единственном

⁶ М. Н. Алексеев. Диалектика форм мышления. Москва, 1959, стр. 8.

числе. Например: Сливенският, Ямболският и Харманлийският *гарнизон* потушиха възстанието; развитието на Бобовдолския, Софийския и Свогенския *каменовъглен басейн*. Надо отметить, что в литературной практике этот процесс еще не закончен, что норма эта еще не установилась и не стала обязательной. Это относится в значительной степени и к именам числительным, оканчивающимся на единицу. В народно-разговорной речи определяемое согласуется по роду и числу с единицей, а в современном литературном языке согласуется по смыслу со всем числительным. Например: седемдесет и една *крави*; петстотин и един *тон*.

В болгарском синтаксисе наблюдаются и иные специфические явления, которые не всегда встречаются в других славянских языках. Таковым является например дублирование дополнения, а в некоторых случаях и несогласованного определения. Общепринято мнение, что это является результатом развитого аналитизма. А дублирование подлежащего напоминает нам то явление в немецком и других языках, о котором говорил Герман Пауль.⁹ Оно является результатом психологических причин или эмоциональной окрашенности речи. При обыкновенном обособлении приложение (апозиция) в предложении стоит непосредственно после подлежащего, выраженного существительным или местоимением. Например: „Напоследък народът със тревога следеше дали *ние*, *българските писатели*, стоим твърдо на своя обществен пост“ (Лит. фронт, № 51, 1957).

Это синтаксическое и интонационное обособление — сравнительно новое явление, характеризующее литературный язык. В народно-разговорной речи апозиция обыкновенно не выделяется интонационно. Например: „Той *баща ти* знае (М. Станев). „Тя *майка ти* добре ради за нас“ (Влайков).

В ряде случаев апозиция удаляется от подлежащего и поэтому дублирует его. Это является результатом обстоятельства, удачно отмеченного Паулем, что говорящий забыл или пропустил ориентировать соответствующим образом слушателя к подлежащему, выраженному весьма абстрактно одним местоимением. Например: „Той *ни* превари, *даскалът*, амо и *ние* ще се погрижим да го достигнем“ (Вазов). — „Те ще почнат сега, *разни хлапетии*, *идеалистчета*, да те джавкат“ (Ал. Константинов). — „Как ме *те* примамяха със дъхът си, с моя път *растящите цветя*“ (П. П. Славейков). — „*Бедната Лалка*, *тя* трябва да е много нещастна“ (Ив. Вазов).

Под русским влиянием в болгарском синтаксисе появилась конструкция, состоящая из вспомогательного глагола *е (са)* и указательного местоимения *това*. Например: „Природата — *това е* един закономерен процес на дви-

⁹ Г. Пауль. Принципы истории языка. Москва, 1960, стр. 150.

жение и развитие на материя“ (Диалектически материализъм, стр. 330). — „Природа — *это* единный закономерный мировой процесс движения и развития материи“ (Диалектический материализм, под ред. акад. Г. Ф. Александрова, 1954, стр. 317). — „Пролетта на Добруджа — *това е* безкрайно море от златни ниви“ (И. Йовков).

Эта русская конструкция проникает в болгарский язык литературным путем, т. е. посредством переводов. Переводчики стремятся строго придерживаться к подлинникам и по необходимости вводят новую форму. В стилистическом отношении эта новая форма не нейтральна, напротив она придает больше экспрессивности и живости подлежащему. Эта конструкция встречается и во французском, и в немецком и в других языках. Она приобрела фразеологический характер и в качестве фразеологического типа является интернациональной. Несмотря на то что она встречается в работах современных болгарских литераторов и реже в творчестве наших классиков, эта конструкция не свойственна нашей народно-разговорной речи; все еще воспринимается как книжное явление и как шаблон, который при слишком частом употреблении превращается в паразитную форму, в тавтологическое повторение подлежащего.¹⁰

Путем двойного выражения дополнения обеспечивается более отчетливое разграничение дополнения и подлежащего. Это наблюдается обыкновенно тогда, когда дополнение вынесено на первое место в предложении, т. е. занимает место подлежащего. Так как в болгарском языке имена существительные не имеют падежных окончаний, подлежащее отличается от дополнения по смыслу и по своему месту в предложении. Во избежание двусмыслыцы дополнение удваивается, причем одной из его форм является личное местоимение в винительном или дательном падежах. Это дублирование является балканизмом. Его причины все еще не вполне выяснены. Например: „*Мене ме* гони потеря“ (Ив. Вазов). — „*Тебе те* познават по тия места“ (Ив. Вазов). — „*Нас важни* държавни работи *ни* задържат тук“ (Ив. Вазов). — „*Двете* клисурски *заптие*та ги изляли вълци тая заран“ (Ив. Вазов). — „*Момите* ги всичките зла слана попари“ (Ив. Вазов). — „*И мене* вече не *ми се* чака“ (К. Кюлявков). — „*На тези* хора не *им* беше много до смях“ (Г. Караславов). — „*На Станчо* му стана весело“ (Ел. Пелин).

Встречается повторение и несогласованного определения, в тех случаях когда оно выражено существительным и местоимением в дательном падеже. Например: „*Така* му остана името *на това* момче“ (Ел. Пелин). — „*Дъската* ѝ хлопа *на моята* каруца, господине“ (Ел. Пелин).

¹⁰ К. Попов. Една руска конструкция в българския синтаксис. Славистичен сборник, т. I, Езикознание, София, 1958, стр. 251—255.

Все эти формы типичны для разговорного стиля речи. В литературном языке они постепенно исчезают. И здесь русский язык играет определенную роль.

Наш теоретический синтаксис еще полностью не разработан. Под влиянием одного исследования проф. Л. Милетича по вопросам синтаксиса в школьной практике все еще продолжает существовать традиционное учение о глаголе, как о душе предложения. Это учение, которое поддержали и защищали В. Гумбольдт, Ф. И. Буслаев, Фр. Керн и др. было санкционировано у нас проф. Л. Милетичем. Оно исключает существование связки и рассматривает вспомогательный глагол в качестве полноценного в синтаксическом отношении глагола, который выражает бытие и имеет при себе предикативное имя. Под влиянием Фр. Керна проф. Л. Милетич не признает существования именного сказуемого в болгарском синтаксисе. Конечно, глагол *съм* имеет в болгарском языке гораздо более отчетливо выраженное экзистенциальное значение, чем в русском языке, но это отнюдь не означает, что невозможно поддерживать тезис о наличии именного сказуемого.

Вопрос о сложном или составном сказуемом ставится по-особому в болгарском синтаксисе. Такое сказуемое может образоваться только с небольшим количеством глаголов типа *трябва, мога, започва* и др. Во всех других случаях мы говорим о дополнительных придаточных предложениях. Все русские конструкции с инфинитивом, которые рассматриваются в качестве сложного сказуемого, образовали в болгарском языке после исчезновения инфинитива так называемое „да изречение“, т. е. придаточное дополнительное предложение. Например: „Он боится опоздать“; „Я думаю здесь остаться“ — „Той се бои да закъснее“; „Аз мисля тук да остана“. Инфинитив в болгарском языке превратился в личный глагол, т. е. в самостоятельное сказуемое придаточного предложения, субъект которого может совпадать с субъектом главного предложения, но может и отличаться от него: „Аз се боя да не закъснеете.“

Разложение инфинитива привело к образованию дополнительных придаточных предложений более особого характера и ограниченного употребления, которые вводятся только после некоторых прилагательных типа *готов, годен, силен, свободен, достоен, честит, способен, сигурен, негоден, неспособен, безсилен* и др.¹¹ Эти прилагательные выражают способность или невозможность совершения чего-нибудь. Например: „Народът е готов да се дигне на оръжие“ (Ив. Вазов). — „Пак ще бъдем честити да вдигнем лъвското знаме под българското небе“ (Ив. Вазов). —

¹¹ Кр. Чолакова. Към въпроса за допълнителните изречения. Журнал Български език, № 5, стр. 402, 1960.

„На тях човек може да се довери и да бѣде *сигурен*, че няма да го подведат“ (М. Марчевски).

Особенность этих конструкций заключается в том, что дополнительные предложения поясняют не глагольное сказуемое, а именное или точнее предикативное определение, и ввиду этого сближаются с определительными предложениями.

Разложение объективного инфинитива в болгарском языке привело к образованию и другого типа определительных предложений, которые имеют гибридный характер, находясь между определительными и дополнительными предложениями. В них особую роль играет союз *че*, не вполне равнозначный относительно местоимению *който*, которое является типичной связью определительного предложения и как будто заменяет это местоимение и придает особый оттенок синтаксическому подчинению. Например: „Тя действительно можа да види едно знаме, *че* се развява тамо“ (Ив. Вазов). По-русс. „Она действительно увидела одно знамя, *которое* развевалось там“.

Это предложение может иметь следующие варианты:

„Тя действительно можа да види едно знаме, *което* се развява тамо.“

„Тя действительно можа да види едно знаме, *развяващо* се тамо.“

„Тя действительно можа да види тамо едно *развяващо* се знаме.“

„Тя действительно можа да види, *че* едно знаме се развява тамо.“

В последнем варианте атрибутивный элемент исчезает и придаточное предложение превращается в дополнительное. Эти предложения являются наследниками древнеболгарских конструкций с действительным причастием настоящего времени. Например: „Нъ аще сѧ прилоучить кѹмоу и Цѣсариа видѣти, сѣдѧща въ срацѣ...“ — „Но ако му се случи да види царя, *че* седи в багреница...“

Под русским влиянием развиваются или усиливаются некоторые особенности определительных, сказуемо-определительных, подлежащих и бессоюзных предложений, и обособленных и вставочных частей, на которых мы не будем останавливаться. Количество параллелей можно увеличить, но это еще не значит, что болгарский синтаксис лишен оригинальности и самобытности. Напротив, в нем встречается целый ряд разнообразных и оригинальных явлений, обусловленных его историческим развитием и аналитическим строем. Как недостаточно исследованные стороны нашего языка, они составляют предмет болгарского научного синтаксиса и определяют задачи современного синтаксического исследования.